

В течение нескольких ночей Чэн Фэнтай и Шан Сижуй сидели друг напротив друга в зале дома Шанов. Перед ними стояли чашки с ароматным чаем, но они их не пили, а Сяо Лай держалась в стороне. Чэн Фэнтай, закрыв глаза, водил рукой по рукаву Шан Сижую, который, терпеть не могший скуку, ерзал на месте и спросил:

— Второй господин, ну что, закончил уже? Что у меня за болезнь?

— Тсс... — Чэн Фэнтай сделал загадочный вид. — Старые врачи тратят на пульс полчаса, куда ты торопишься?

Шан Сижуй подумал, что это никакой не старый врач:

— Пульс же здесь? Ты уже до плеча добрался!

Чэн Фэнтай, улыбаясь, взглянул на него:

— Это уникальное мастерство, конечно, оно отличается от других. Знаешь, несколько лет назад, когда я ездил за товарами на северо-восток, один отшельник в горах лично меня научил. Передавал только мужчинам, не женщинам. Я даже стал его приемным сыном. Жаль, что он научил меня только этому, а на следующий день умер. Иначе я бы сейчас был великим целителем!

Его бессмысленная болтовня, однако, была воспринята Шан Сижуюем всерьёз, и он, кивнув, продолжил лечение. Чэн Фэнтай, сдерживая смех, снова потрогал его, сделал глоток холодного чая и сказал:

— Ладно, у тебя нет других болезней, просто ты много ешь и мало двигаешься, живот болит от переедания.

В последнее время Шан Сижуй не играл в боевых сценах. Не играя, он продолжал есть обильно, за один ужин мог съесть целую свиную рульку, а потом, как будто сам был императрицей, сидел за кулисами и слушал оперу. Он не набирал лишний вес и не портил фигуру, но еда скапливалась в желудке, вызывая боль. Чэн Фэнтай и Сяо Лай сначала уговаривали его, но он не слушал, а когда терял терпение, начинал кричать, словно его нужно было на цепи вывести на прогулку.

Шан Сижуй, поглаживая живот, с грустью спросил:

— Что же делать? В животе урчит, тяжело, словно я ребёнка ношу.

Чэн Фэнтай чуть не выплюнул чай:

— Ты не можешь забеременеть. Я ещё не посеял семя...

Шан Сижуй наклонил голову:

— Что ты сказал?

Чэн Фэнтай ответил:

— Я сказал, что попрошу Сяо Лай купить тебе засахаренные фрукты на палочке, съешь после ужина, и всё пройдёт.

Шан Сижуй уже мысленно планировал, как будет капризничать и отказываться, если Второй господин пропишет ему горькое лекарство. Чэн Фэнтай, с самого начала понимая его мысли, подумал, что если приготовить лекарство, маленький лицедей точно начнёт с ним драться. У его собственных детей, которые ели деликатесы, часто возникали проблемы с пищеварением, и они отказывались пить лекарства. Врачи, зная их вкусы, готовили им сок из боярышника с сахаром. Этот метод оказался идеальным и для Шан Сижуйя.

Шан Сижуй крикнул в сторону двери:

— Сяо Лай! Второй господин сказал, завтра купи мне засахаренные фрукты на палочке! У старого Чжана!

Просьбы Второго господина обычно не выполнялись Сяо Лай, и она долго не отвечала. Шан Сижуй смущённо замолчал. Они продолжали сидеть в зале в тишине. Это было странно: Чэн Фэнтай мог болтать с посторонними без умолку, но после долгих разговоров с другими, вечером с Шан Сижуйем он становился молчаливым. Шан Сижуй никогда не любил пустых разговоров, даже с Чэн Фэнтаем. Возможно, в первые дни они уже высказали всё, что хотели, и теперь, даже если в душе оставались тысячи мыслей, они не могли их выразить. Но иногда они внезапно находили общую тему и начинали смеяться, как сумасшедшие.

Сейчас, сидя в тишине, Шан Сижуй напевал оперу кунъюй, размахивая веером. Его голос обладал магической силой: без барабанов, костюмов и декораций, достаточно было просто его пения, чтобы атмосфера вокруг превратилась в сцену его оперы. В его голосе зарождались и расцветали нежность и теплота. Мелодия, казалось, обвивала слушателя. Хотя они сидели за столом, Чэн Фэнтай чувствовал, как его обнимают нежные руки, которые касаются его лица, губ и опускаются ниже. Он наверняка не был первым, кто испытывал такие чувства, слушая оперу, иначе не было бы столько романтических историй в театральном мире. Но он действительно почувствовал вожделение, слушая оперу.

Чэн Фэнтай глубоко вздохнул:

— Господин Шан...

Его рука уже держала веер Шан Сижуй. Они держали его с разных сторон. Это было похоже на сцену из оперы, где герой соблазняет девушку, и Чэн Фэнтай, казалось, освоил это искусство без обучения. Шан Сижуй замолчал, ошеломлённо посмотрел на него, а затем, как настоящая актриса, смущённо ответил ему взглядом. Однако Шан Сижуй не был женщиной, у него не было длинных рукавов, чтобы скрыть лицо, и он смотрел прямо, с ярким, наивным взглядом юноши. Чэн Фэнтай потянул веер к себе, Шан Сижуй наклонился вперёд, почти упав на стол. Чэн Фэнтай, воспользовавшись моментом, приблизил лицо:

— Господин Шан, на самом деле мы...

Во дворе раздался звук чего-то тяжёлого, упавшего на землю, сопровождаемый тихим стоном. Шан Сижуй сразу же выбежал во двор. Сяо Лай тоже вышла посмотреть, что случилось. Чэн Фэнтай, словно испытывая боль, постучал веером по виску и вздохнул. Уже несколько дней в это время происходило что-то подобное. Воры приходили слишком неумело, а возлюбленный — слишком рано. Для Чэн Фэнтай это был нежеланный гость.

Малыш Чжоу, потирая колено, глупо улыбался:

— Господин Шан, хе-хе... У вас тут стена высокая, очень высокая...

Он стоял, смущённо молчал, не зная, что сказать. Но Сяо Лай, похоже, очень любила этого молодого человека, подошла к нему, поправила одежду и сказала:

— Я же говорила, не лезь через стену, просто постучись. Тут далеко от вашей труппы, чего боишься?

Затем добавила:

— Подожди, я оставила тебе что-то вкусное!

Чэн Фэнтай никогда не видел, чтобы Сяо Лай была так добра к кому-то, и теперь он даже немного завидовал. Малыш Чжоу хлопнул себя по лбу:

— Ой, Сяо Лай! Я ещё что-то забыл снаружи!

Сказав это, он открыл засов, выбежал наружу и принёс огромную корзину с яблоками или, возможно, сливами. Непонятно, как он, с таким хрупким телосложением, смог пронести эту корзину через улицы и переулки. Это выглядело очень трудно:

— Господин Шан, это вам. Я собрал их утром в горах, когда кричал, чтобы разогреть голос. Очень свежие!

Чэн Фэнтай выбрал одно, не такое зелёное, откусил — оно было сочным и кислым, идеально подходящим для «шестимесячной беременности» Шан Сижую. Он тут же сунул его в рот лицедею. Шан Сижуй, смакуя сок, скривился от кислоты и, наконец, не выдержал, выплюнул его прямо на костюм Чэн Фэнтая. Тот, не обращая внимания на слюну на одежде, подумал, что если бы этот маленький лицедей жил у него дома, то его дерзкое поведение точно привело бы к ежедневным наказаниям от второй госпожи.

Малыш Чжоу, увидев, как Шан Сижуй выплюнул плоды, которые он с таким трудом собрал, выглядел расстроенным, словно вот-вот заплачет, что вызывало жалость. Однако Шан Сижуй никогда не замечал чужих эмоций, взял у Сяо Лай чашку чая, прополоскал рот и, кивнув в сторону двора, сказал:

— Начинай.

Сяо Лай держала поднос с чаем и хотела предложить Малышу Чжоу что-то съесть перед тренировкой, но Шан Сижуй остановил её:

— Если он сейчас наестся, как потом будет гнуться? Пусть поест после.

Он сказал это Малышу Чжоу, и тот, конечно, не посмел возразить, лишь испуганно кивнул. Однако Чэн Фэнтай вспомнил, что сам Шан Сижуй перед выходом на сцену всегда сначала съедал кусочек мяса.

<http://bllate.org/book/15435/1368609>